

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ, ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

УДК 159.9.016

Научная статья

<https://doi.org/10.23947/2658-7165-2023-6-2-6-14>

Отношение к смерти гражданского населения, проживающего в зоне вооруженного конфликта, в контексте экзистенциальной исполненности

Е. Н. Рядинская¹ , Н. И. Ковальчишина² , В. В. Волобуев¹

¹ Донбасская аграрная академия, Российская Федерация, г. Макеевка

² Филиал Российского государственного социального университета, Республика Беларусь, г. Минск

 muchalola@mail.ru

Аннотация

Введение. В условиях проживания в зоне вооруженного конфликта отношение мирного населения к жизни и смерти может приобретать свои особенности. Их изучение представляет особую важность для осуществления психологической помощи. Экзистенциальная исполненность определяется как проживание одновременно соответствия происходящего в жизни своим внутренним ценностям и обстоятельствам внешнего мира. В связи с этим, авторами рассмотрены вопросы психологических последствий для людей, проживающих в зонах вооруженных конфликтов для людей в связи с экзистенциальной исполненностью.

Цель. Определение отношения к смерти гражданского населения, проживающего в зоне вооруженного конфликта, в контексте их экзистенциальной исполненности.

Материалы и методы. В исследовании были использованы контент-анализ понятия «смерть» и причин страха по поводу смерти, а также методика «Диагностика экзистенциальной исполненности» (В. Б. Шумский, Е. М. Уколова, Е. Н. Осин и Я. Д. Лупандина). Значимость различий проверялась с помощью ф-критерия Фишера.

Результаты исследования. Большинство опрошенных не столько пугает приближение смерти, сколько вероятность получить травму и стать инвалидом, или то, что их дети останутся сиротами вследствие смерти родителей. У респондентов, проживающих в зоне проведения СВО, преобладают средний (55,3 %) и низкий (44,7 %) уровни экзистенциальной исполненности. У людей с выраженным страхом смерти или связанных с нею последствий общий уровень экзистенциальной исполненности ниже, чем у тех, кто не боится смерти, философски к ней относится, либо не задумывается на этот счет.

Обсуждение и заключение. Отношение к смерти и уровень экзистенциальной исполненности имеют тесную связь и зависят от многих параметров. В качестве основных причин отсутствия экзистенциальной исполненности выделены: травматизация, чувство ненужности, нереализованности в жизни, незначимости процесса жизни в целом, а также потеря смыслов в связи с проживанием в течение длительного срока в условиях военных действий, невысоким процентом жизненных перспектив, отсутствием элементарных условий для жизни. Общая ценностно-смысловая направленность личности может быть рассмотрена через призму ее отношения к смерти.

Ключевые слова: отношение к смерти, экзистенциальная исполненность, страх смерти, зона вооруженного конфликта, безопасность, мирное население

Для цитирования. Рядинская, Е. Н., Ковальчишина, Н. И., Волобуев, В. В. (2023). Отношение к смерти гражданского населения, проживающего в зоне вооруженного конфликта, в контексте экзистенциальной исполненности. *Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология*, 6(2), 6–14. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2023-6-2-6-14>

Attitude towards death in civil population living in the armed conflict zone in the context of existential fulfillment

E. N. Ryadinskaya¹ , N. I. Kovalchishina² , V. V. Volobuev¹

¹ Donbass Agrarian Academy, Makeevka, Russian Federation

² Branch of the Russian State Social University, Minsk, Republic of Belarus

 muchalola@mail.ru

Abstract

Introduction. In the conditions of living in an armed conflict zone, the attitude of the civilian population to life and death may acquire its characteristics. Their study is of particular importance for the implementation of psychological assistance. Existential fulfillment is defined as living at the same time the correspondence of what is happening in life to one's inner values and the circumstances of the outside world. In this regard, the authors consider the issues of psychological consequences for people living in armed conflict zones for people in connection with existential fulfillment.

Goal. Determination of the attitude to the death of civilians living in the zone of armed conflict in the context of their existential fullness.

Materials and Methods. The study used a content analysis of the concept of "death" and the causes of fear of death, as well as the technique of "Diagnostics of Existential Fulfillment" (V. B. Shumsky, E. M. Ukolova, E. N. Osin and Ya. D. Lupandina). The significance of the differences was checked using Fisher's ϕ -criterion.

Results. The majority of respondents are not so much afraid of the approach of death as the probability of injury and becoming disabled or that their children will be orphaned due to the death of their parents. The respondents living in the area of the SVO have medium (55.3 %) and low (44.7 %) levels of existential fulfillment. People with a pronounced fear of death or the consequences associated with it have a lower overall level of existential fulfillment than those who are not afraid of death, are philosophical about it, or do not think about it.

Discussion and Conclusion. The attitude to death and the level of existential fulfillment are closely related and depend on many parameters. The main reasons for the lack of existential fulfillment are traumatization, a sense of uselessness, unfulfillment in life, the insignificance of the process of life as a whole, and loss of meaning due to living for a long time in conditions of military operations, a low percentage of life prospects, lack of basic conditions for life. The general personality value-semantic orientation can be considered through the prism of its attitude to death.

Keywords: attitude towards death, existential fulfillment, fear of death, armed conflict zone, safety, civilian population.

For citation. Ryadinskaya, E. N., Kovalchishina, N. I., Volobuev V. V. (2023). Attitude towards death in civil population living in the armed conflict zone in the context of existential fulfillment. *Innovative Science: psychology, pedagogy, defectology*, 6(2), 6–14. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2023-6-2-6-14>

Введение. К настоящему моменту более детального рассмотрения требует проблема отношения человека, проживающего в условиях вооруженного конфликта, к смерти. Как известно, на протяжении девяти лет (с 2014 г. и по настоящее время) на Донбассе проходит вооруженный конфликт, варьирующийся в разные временные периоды по силе и степени интенсивности. Экономический упадок, разрушение инфраструктуры, остановка производств, недостаток качественной медицинской и социально-психологической помощи несут в себе психологическую нестабильность для тех мирных жителей, которые остались проживать в зоне вооруженного конфликта. Все это создает невозможность прогнозирования человеком даже ближайшего будущего.

На сегодняшний день признаков прекращения конфликта не наблюдается, вместо этого он характеризуется еще более высокой интенсивностью, большим количеством разрушений и жертв. Ученые и практики, изучающие психологические последствия вооруженных конфликтов, отмечают, что у остающихся на территориях проведения боевых действий мирных жителей, постоянно сталкивающихся со смертью, формируется потенциальная готовность в каждую следующую минуту умереть, погибнуть. И. Ю. Кулагина и Л. В. Сенкевич (2013) делают

акцент на том, что такая специфическая «готовность к смерти» воздействует на психическое состояние населения и накладывает отпечаток на всю жизнедеятельность человека, трансформируя цели, планы, смыслы, жизненные ценности и стратегии, а также личность в целом. В основном мы согласны с мыслью авторов, однако, важным остается изучение личностных предпосылок к формированию отношения к жизни и смерти у мирного населения в условиях вооруженного конфликта.

Р. М. Литвинова, В. В. Волобуев и Е. Н. Рядинская (2022) констатируют, что ощущение бессмысленности, неудовлетворенность жизнью могут сделать человека уязвимым к стимулам, связанным со смертью, повысить частоту появления мыслей о смерти и снизить ориентацию на будущее, мотивацию к деятельности, при которых доминирующим становится пессимистичный взгляд на жизнь (Литвинова, Волобуев, Рядинская, 2022). В таких условиях проживания, говорить о высокой степени удовлетворенности жизнью и психологическом благополучии личности не приходится. Однако даже в такой экстремальной обстановке, характеризующейся тяжелыми условиями существования, мирное население вынуждено приспосабливаться, вместе с этим, исходя из своей экзистенциальной исполненности, формируя собственное отношение к жизни и смерти.

В обозначенном контексте особую важность представляет изучение особенностей отношения к смерти мирных жителей, оказавшихся в зоне вооруженного конфликта, в первую очередь, для осуществления психологической помощи этим людям, поскольку качество оказания кризисной помощи зависит не только от профессионализма специалиста, но и от адекватного отношения к смерти человека. Важно также понимать, как именно выстраивать с ними взаимодействие в перспективе, в постконфликтный период, когда закончится специальная военная операция.

Целью исследования выступило определение отношения к смерти гражданского населения, проживающего в зоне вооруженного конфликта, в контексте их экзистенциальной исполненности.

Теоретическое обоснование

Понятие «экзистенциальная исполненность» появилось в психологической науке благодаря В. Франклу и А. Лэнгле. Оно подразумевает субъективное ощущение качества жизни, при котором отсутствует разрыв между тем, как человек живет, и тем, какие представления он имеет о том, как ему стоит жить. В. Франкл (1990) обосновывает идею стремления человека к смыслу как движущую силу, констатируя, что движет человеком не наслаждение и счастье как таковые, а скорее то, что порождает их, будь то осуществление личного смысла или общение с другим. Автор полагает, что для проживания чувства исполненности человеку необходимо найти смысл в текущей ситуации, не ожидать идеальных условий и делать то, что в данных условиях является самым правильным. Таким образом, исходя из представлений В. Франкла (1990), исполненность можно обозначить как проживание одновременно соответствия происходящего в жизни своим внутренним ценностям и обстоятельствам внешнего мира. В контексте наших исследований эта мысль представляется особенно актуальной.

А. Лэнгле, рассматривая экзистенциальную исполненность, акцентирует внимание на диалогическом аспекте человеческого бытия, характеризующегося наличием внутреннего согласия человека с его жизнью, диалогом между внешним и внутренним (Лэнгле, 2004). Согласно автору, такому диалогу предшествуют четыре фундаментальные экзистенциальные мотивации — базовые темы человеческой жизни, лежащие в основе всех других мотиваций и пронизывающие все направления человеческой жизнедеятельности в конкретном периоде проживания (рис. 1).

Первая экзистенциальная мотивация направлена на то, чтобы выдержать и принять фактические условия существования, а также ограничения, накладываемые реальностью, и предоставляемые ею возможности. Для того чтобы «свободно быть», человеку надлежит разобраться с основой своей жизни, понять достаточно ли в ней пространства, есть ли у него защита и опора.

Вторая экзистенциальная мотивация — мотивация к переживанию чувств и ценностей как ориентиров жизни. Для того чтобы человек ощутил ценность собственной жизни, важно, чтобы были выполнены три условия: отношения, время и близость. Характер отношений с жизнью зависит от того, насколько хорошо реализуется каждое условие.

Третья экзистенциальная мотивация — мотивация к автономности и аутентичности. В основе формирования самоценности лежат следующие предпосылки: уважительное внимание к границам, чувствам, потребностям как своим, так и потребностям другого, справедливое отношение и оценка поступков, признание ценности своей и другого.

Тема четвертой фундаментальной мотивации — внесение себя в жизнь, желание человека быть включенным в контекст больший, чем он сам. Для того, чтобы жизнь приобрела смысл, необходимы следующие предпосылки: включенность личности в структурные взаимосвязи его жизни (семья, работа и другие сферы), активное участие в различной деятельности, наличие представлений о будущем.

Рис. 1. Фундаментальные экзистенциальные мотивации (А. Лэнгле)

На наш взгляд, уместно проанализировать работы, изучающие отношение к смерти, различных авторов. Как известно, в нашем мировоззрении традиционно присутствует мысль о том, человеческая жизнь рано или поздно заканчивается смертью. Однако многие люди верят, что и после смерти они способны продолжать свое существование, только в другом измерении и другом физическом воплощении. Смерть рассматривается, с одной стороны, как «стена», главная личная катастрофа, с другой стороны — как «дверь», момент времени на пути в вечность (Фейфел, 2001). Исходя из данной мысли, можно сделать вывод о том, что человеку не стоит бояться смерти и ее естественного проявления, но и игнорировать данный процесс не следует.

Презрительное отношение к смерти выражал Цицерон. Он описывал приближение смерти, как нечто приятное, что-то, что позволяет человеку легко и радостно покинуть этот мир. Позднее известный русский философ Н. А. Бердяев также позитивно высказывался о смерти, считая это явление благом, своеобразным избавлением от жизни в греховном мире. Он утверждал, что человеку необходимо победить низменный, животный страх смерти, однако, не теряя при этом в себе ее духовный страх, священный ужас перед ее тайной (Бердяев, 1993).

Интересным является мнение С. Л. Рубинштейна, который считал, что наличие смерти превращает жизнь в нечто серьезное, ответственное, в срочное обязательство, срок выполнения которого может истечь в любой момент (Рубинштейн, 1997).

Современные исследования отношения к смерти в связи с экзистенциальной исполненностью человека представлены в работах небольшого количества авторов, что еще больше подчеркивает актуальность и своевременность разработки данной проблемы. А. В. Юревич (2018) констатирует, что избегание и отрицание темы смерти оказывает сильное влияние на особенности отношения к смерти и к жизни, доминирующими становятся чувство неопределенности, тревога и самоотчуждение (Юревич, 2018). Н. Ю. Жукова и Е. Л. Солдатова (2018) выделяли наличие привязанности и близкие отношения в качестве значимых компонентов представлений о смерти: разлука и мысли о разлуке со значимым человеком, о проблемах в личных отношениях или об их окончании повышают доступность мыслей о смерти.

R. E. Menzies и R. G. Menzies (2020), исследуя тему взаимосвязи смерти и экзистенций, определяющую роль отводят защитным механизмам психики, где доминирующим является механизм проксимальной защиты: мысли о смерти подавляются, отрицается собственная уязвимость, делаются попытки предотвратить смерть. Когда же мысли о смерти оказываются в подсознании, включается дистальная защита: повышается самооценка, поддерживается культурное мировоззрение, проявляется агрессия против тех, кто представляет угрозу (Menzies, R. E., Menzies, R. G., 2020). Похожего мнения придерживаются C. Routledge et al. (2010), демонстрируя в своих исследованиях взаимосвязь самооценки и психологической адаптации человека при упоминании о смерти.

Необходимо отметить, что негативные переживания, вызываемые осознанием скорой смерти, относятся не столько к прекращению своего существования, сколько к угрозе тяжелой и мучительной смерти, своей незащищенности. К. А. Чистопольская и С. Н. Ениколопов (2015) указывают, что страх смерти является сильным стрессором и его важно вовремя убрать, не позволяя навсегда поселиться в сознании человека.

Безусловно, у каждого человека присутствует страх смерти, но многие боятся в большей степени самого процесса умирания, болезненного и мучительного ухода. Например, люди пожилого возраста часто испытывают страх «растительного существования» вследствие болезней. Они больше всего боятся физического обездвиживания и утраты когнитивных функций. Закономерными для них являются фразы: «умереть на свои ногах», «в здравом уме», «заснуть и не проснуться», «уйти быстро из жизни», «чтоб не быть обузой близким» (Елютина, 2015; Missler et al., 2012). Молодым людям, согласно исследованиям И. Н. Лавриковой (2001), свойственен страх процесса умирания и физической боли, которая может его сопровождать (Лаврикова, 2001).

Представляют интерес также исследования, направленные на поиск факторов, способных снизить доступность мыслей о смерти, тревогу смерти, с последующим ее нивелированием. Так, N. Baumann и С. Н. Lüdecke (2015) обнаружили, что негативный эффект напоминания о смерти был значительно ниже у лиц, нацеленных на действия, чем у лиц, ориентированных на бездействие. Авторы пришли к выводу, что напоминание о смерти повышает желание человека работать, а мысли о работе, в свою очередь, снижают доступность мыслей о смерти. В то же время мысли о невозможности осуществления работы повышают уровень доступности мыслей о смерти. Е. Yaakobi (2015) значимым фактором при нивелировании мыслей о смерти считает навыки саморегуляции и наличие позитивной картины мира.

Таким образом, проанализировав работы некоторых авторов, изучающих отношение человека к смерти, мы выделили факторы, повышающие доступность мыслей о смерти: потеря чувства безопасности и контроля над ситуацией, разлука со значимым близким, отсутствие экзистенций, неудовлетворенность жизнью в сочетании с неудачами, ослабление адаптационных ресурсов, индивидуальные особенности личности. Вооруженный конфликт высокой интенсивности, при котором каждую минуту человек сталкивается со смертью, обостряет эти состояния и является триггером для их дальнейшего развития.

Материалы и методы. В исследовании приняли участие респонденты с территорий, где активно (с февраля 2022 года) ведется специальная военная операция (СВО). Это 94 человека (из них 45 — молодые люди в возрасте 19–35 лет, 49 человек в возрасте 36–60 лет) из г. Донецка, а также 81 человек (43 человека — 19–35 лет, 38 человек — 35–60 лет), жители г. Минска, Республика Беларусь.

Для реализации цели исследования мы использовали контент-анализ понятия «смерть» и причин страха по поводу смерти и русскоязычную версию методики «Диагностика экзистенциальной исполненности» (Шумский и др., 2016). Значимость различий была протестирована с помощью ф-критерия Фишера.

Результаты исследования. В результате проведенного опроса респондентов в отношении «смерти», было установлено, что существуют разные интерпретации данного понятия.

Большинство молодых людей (51 %) считают, что смерть — это естественный процесс. Она не вызывает у них особой тревоги или сожаления, они вообще не думают о ней. Треть опрошенных (32,6 %) из возрастной группы 36–60 лет считают смерть закономерным исходом жизни любого человека. 26,5 % серьезно задумываются над этим вопросом, в последнее время все чаще.

Примечательно, что у жителей зоны интенсивных обстрелов (г. Донецк) четко сформулирована мысль о нежелании «остаться калекой» вследствие обстрелов. Большинство опрошенных, как молодых людей, так и людей более зрелого возраста (61,7 % от общего числа выборки), не столько пугает приближение смерти, сколько вероятность попасть под обстрел и быть искалеченным, стать инвалидом и быть обузой своим близким. Можно отметить, что они в большей степени боятся боли, увечий, физической беспомощности; женщины особенно переживают, что их несовершеннолетние дети могут остаться сиротами, а родителям никто не сможет помочь в старости.

У жителей Беларуси отношение к смерти также представляется неоднозначным. В ответ на вопрос «Что такое смерть?» 21 % молодых людей указали, что это своеобразный переход в мир иной, где есть другая, неземная жизнь; 16,3 % считают, что смерть — это свобода, уход от реальности. Значительное количество

респондентов этой возрастной группы (41,8 %) все же испытывают страх смерти, в особенности девушки. Они часто думают о смерти и переживают по этому поводу. Больше всего их пугает преждевременный уход из жизни вследствие какой-то непредвиденной ситуации, например, автомобильной аварии или внезапной болезни. Респонденты 36–60 лет считают, что смерть — это процесс, который переживают все, поскольку рано или поздно люди умирают (52,6 %). Треть опрошенных этой возрастной группы (33 %) боятся смерти и не хотят, чтобы это случилось в скором времени. По их мнению, смерть — несправедливая и ужасная вещь.

Анализируя данные, полученные по методике «Диагностика экзистенциальной исполненности» (рис. 2), можно отметить, что, в группе людей, проживающих в зоне проведения СВО, у большинства (55,3 %) наблюдается средний уровень общего показателя экзистенциальной исполненности (ЭИ). Однако значительная часть опрошенных из этого региона (44,7 %) показали низкие результаты по этому показателю.

У респондентов из Беларуси выявлен в основном высокий уровень экзистенциальной исполненности (67,8 %). У них присутствует ясность в отношениях с самим собой, которая выражается в том, что они без страха могут дать себе право быть собой, свободно воспринимать свои установки и ответственно принимать решения, привнося собственную уникальность в мир посредством своих действий и поступков. Треть опрошенных (32,2 %) показала средние результаты по методике, в основном это молодые люди в возрасте 19–25 лет. Низких значений по данной методике в этой группе выявлено не было.

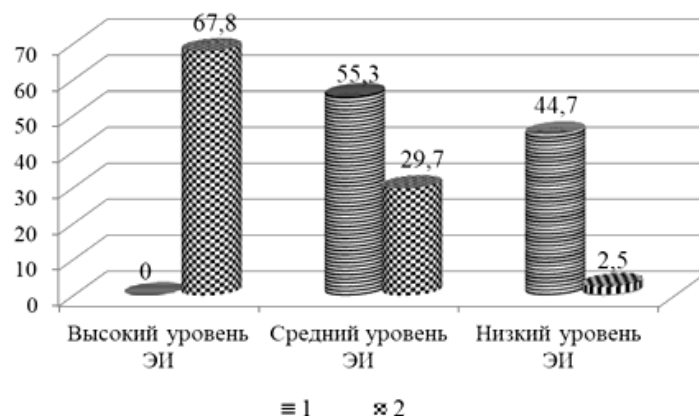

Рис. 2. Выраженность уровня экзистенциальной исполненности у респондентов исследования, в %

Примечание: 1. Жители, проживающие в зоне интенсивных обстрелов (РФ, г. Донецк).

2. Жители, проживающие вне зоны интенсивных обстрелов (РБ, г. Минск).

Как видно из данных, представленных на рисунке 2, у жителей, проживающих в зоне интенсивных обстрелов, явно преобладает высокий уровень ЭИ, в отличие от жителей республики Беларусь. Полученные результаты подтверждаются наличием статистически значимых различий согласно χ^2 -критерию Фишера в группах по показателям «высокий уровень ЭИ» ($\chi^2_{\text{эм.}} = 12.776$, при $p < 0,01$) и «низкий уровень ЭИ» ($\chi^2_{\text{эм.}} = 7.577$, при $p < 0,01$).

Обсуждение и заключение. С целью выяснения отношения к смерти и его связи с экзистенциальной исполненностью у мирных жителей, проживающих в условиях вооруженного конфликта, нами было проведено эмпирическое исследование.

Изучив отношение к смерти у мирных жителей и проследив его связь с их экзистенциальной исполненностью, мы выяснили, что среди населения г. Донецка (территория интенсивных обстрелов) в большей степени присутствует не столько страх смерти, сколько страх ее последствий. Как мы обнаружили, люди в большей степени тревожатся о том, чтобы не остаться инвалидами, случайно наступив на мину «лепесток» и таким образом лишившись ног. Женщины переживают о детях, которые могут остаться сиротами, если они погибнут. Многие отмечают, что боятся боли в результате внезапного «прилета» снарядов. К самой же смерти люди относятся философски: «не страшно», «столько лет бок о бок с ней живем», «ко всему можно привыкнуть» (из большинства высказываний респондентов данного региона). У жителей Беларуси хоть и присутствует страх смерти, однако он выражен не так ярко. Молодые люди в основном не думают об этом, более взрослые респонденты не хотят умирать «раньше срока».

Показателем выявленный средний уровень общей экзистенциальной исполненности у большей половины респондентов в группе, проживающих в зоне проведения СВО. Данный факт может говорить о том, что респонденты обладают определенной степенью свободы и ответственности при принятии решений и в обращении с данностями мира. Они, как правило, имеют достаточно ресурса, чтобы справиться с условиями и обстоятельствами, в которых находятся. Однако значительная часть опрошенных в этой же группе показала низкие результаты по общему показателю ЭИ, что свидетельствует о том, что людям тяжело понимать каждодневные запросы мира. Человек в таком состоянии как бы теряет доступ к самому себе, ему сложно, а порой и невозможно, делать личностный выбор (отсутствие доступа к персональному измерению). Среди основных причин отсутствия исполненности могут быть травматизация, чувство ненужности, нереализованности в жизни, незначимости процесса жизни в целом, а также потеря смыслов (проживание в течение длительного срока в условиях военных действий, невысокий процент жизненных перспектив, отсутствие элементарных условий для жизни). Что касается высокого уровня экзистенциальной исполненности у большинства респондентов из Беларуси, то ясность в отношениях с самим собой, свободное восприятие своих установок и ответственность в принятии решений позволяют им строить свой уникальный мир посредством собственных действий и поступков.

Согласно нашим результатам, у людей с выраженным страхом смерти или связанных с ней последствий общий уровень экзистенциальной исполненности ниже, чем у тех, кто не боится смерти, философски к ней относится, либо вообще не задумывается об этом. Основываясь на данных многих авторов, можно констатировать, что отношение к смерти имеет прямую взаимосвязь с экзистенциальной исполненностью (Кулагина, Сенкевич, 2013; Рубинштейн, 1997; Жукова, Солдатова, 2018; Дмитриева, 2020).

Исследование экзистенциальной исполненности показало, что люди, проживающие в зоне интенсивных обстрелов на протяжении длительного периода времени, теряют определенный смысл собственного существования. Их беспокоит не столько преждевременного ухода из жизни, сколько тревога о близких, негативных последствиях для них в случае своей смерти или травматизации. Отношение к смерти и уровень экзистенциальной исполненности имеют тесную связь и зависят от многих параметров: индивидуальности человека, условий жизни, безопасности, возможности реализации собственных планов и достижения целей, жизненных перспектив, уверенности в завтрашнем дне, способности доверять себе и окружению. Отношение к смерти может характеризовать общую ценностно-смысловую направленность личности, указывать на ее жизненные перспективы, способность преодолевать возникающие трудности, независимо от сложившихся обстоятельств.

Перспективами дальнейшего исследования данной проблемы могут быть изучение гендерного аспекта, выработка действенных способов коррекции негативных состояний в связи с отсутствием смыслов, разработка эффективных программ по повышению уровня экзистенциальной исполненности личности, жизнестойкости, самооценки, программ по развитию умения видеть перспективу в жизни вопреки обстоятельствам. Полученные данные могут применяться психологами в консультативной и психокоррекционной работе с гражданским населением, проживающим в зоне вооруженного конфликта.

Список литературы

- Бердяев, Н. А. (1993). *О назначении человека*. Москва: Республика.
- Дмитриева, П. Р. (2020). Смысложизненные ориентации у людей с разным уровнем страха смерти. *Российский психологический журнал*, 17(3), 5–17. <http://dx.doi.org/10.21702/rpj.2020.3.1>
- Елютина, М. Э. (2015). Пожилые люди: отношение к смерти и танатические тревоги. *Социологические исследования*, 10(378), 111–119.
- Жукова, Н. Ю., Солдатова, Е. Л. (2018). Теоретический обзор современных зарубежных исследований отношения к смерти. *Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология»*, 11(3), 13–23. <http://doi.org/10.14529/psy180302>
- Кулагина, И. Ю., Сенкевич, Л. В. (2013). Отношение к смерти: возрастные, региональные и гендерные различия. *Культурно-историческая психология*, 4, 58–64.
- Лаврикова, И. Н. (2001). Молодежь: отношение к смерти. *Социологические исследования*, 4, 134–136.
- Литвинова, Р. М., Волобуев, В. В., Рядинская, Е. Н. (2022). Анализ факторов, воздействующих на психическое состояние мирных жителей, проживающих на территории вооруженного конфликта. *Вестник Тверского государственного университета. Серия Педагогика и психология*, 4(61), 14–28.

- Лэнгле, А. (2004). Фундаментальные мотивации человеческой экзистенции как действенная структура экзистенциально-аналитической терапии. *Психотерапия*, 4, 41–48.
- Рубинштейн, С. Л. (1997). *Человек и мир*. Москва: Наука.
- Фейфел, Г. (2001). *Смерть — релевантная переменная в психологии. Экзистенциальная психология*. Москва: Эксмо.
- Франкл, В. Э. (1990). *Человек в поисках смысла*. Москва: Прогресс.
- Чистопольская, К. А., Ениколопов, С. Н. (2015). Отношение к смерти после попытки самоубийства: стигматизация и самостигматизация суицидальных пациентов. *Вестник психиатрии и психологии Чувашии*, 11(1), 8–19.
- Шумский, В. Б., Уколова, В. Б., Осин, Е. Н. и др. (2016). Диагностика экзистенциальной исполненности: оригинальная русскоязычная версия теста экзистенциальных мотиваций. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 13(4), 763–788.
- Юревич, А. В. (2018). Психологические аспекты отношения к смерти. *Ярославский педагогический вестник*, 1, 123–132.
- Baumann, N., Lüdecke, C. (2015). When death is not a problem: Regulating implicit negative affect under mortality salience. *Scandinavian Journal of Psychology*, 6(56), 678–684. <http://doi.org/10.1111/sjop.12243>
- Menzies, R. E., Menzies, R. G. (2020). Death anxiety in the time of COVID-19: theoretical explanations and clinical implications. *The Cognitive Behaviour Therapist*, 13, e19. <http://doi.org/10.1017/S1754470X20000215>
- Missler, M., Stroebe, M., Geurtsen, L. et al. (2012). Exploring death anxiety among elderly people: a literature review and empirical investigations. *OMEGA — Journal of Death and Dying*, 64(4), 357–379. <http://doi.org/10.2190/om.64.4.e>
- Routledge, C., Ostafin, B., Juhl, J. et al. (2010). Adjusting to death: the effects of mortality salience and self-esteem on psychological wellbeing, growth motivation, and maladaptive behavior. *Journal of Personality and Social Psychology*, 99(6), 897–916. <http://doi.org/10.1037/a0021431>
- Yaakobi, E. (2015). Desire to work as a death anxiety buffer mechanism. *Experimental psychology*, 62(2), 110–122. <http://doi.org/10.1027/1618-3169/a000278>

References

- Baumann, N., Lüdecke, C. (2015). When death is not a problem: Regulating implicit negative affect under mortality salience. *Scandinavian Journal of Psychology*, 6(56), 678–684. <http://doi.org/10.1111/sjop.12243>
- Berdyayev, N. A. (1993). *On the appointment of a person*. Moscow: Republic. (In Russ.).
- Chistopol'skaya, K. A., Enikolopov, S. N. (2015). Attitude towards death after a suicide attempt: stigmatization and self-stigmatization of suicidal patients. *Bulletin of Psychiatry and Psychology of Chuvashia*, 11(1), 8–19. (In Russ.).
- Dmitrieva, P. R. (2020). Meaningful orientations in people with different levels of fear of death. *Russian Psychological Journal*, 17(3), 5–17. <http://dx.doi.org/10.21702/rpj.2020.3.1> (In Russ.).
- Elyutina, M. E. (2015). Aged people: attitude to death and tanatical worries. *Sociological Studies*, 10(378), 111–119. (In Russ.).
- Feyfel, G. (2001). *Death is a relevant variable in psychology. Existential psychology*. Moscow: Eksmo. (In Russ.).
- Frankl, V. E. (1990). *Human in search of meaning*. Moscow: Progress. (In Russ.).
- Kulagina, I. Yu., Senkevich, L. V. (2013). Attitudes towards death: age, regional and gender differences. *Cultural-Historical Psychology*, 4, 58–64. (In Russ.).
- Lavrikova, I. N. (2001). Youth: attitude towards death. *Sociological Studies*, 4, 134–136. (In Russ.).
- Lengle, A. (2004). Fundamental motivations of human existence as an effective structure of existential-analytical therapy. *Psychotherapy*, 4, 41–48. (In Russ.).
- Litvinova, R. M., Volobuev, V. V., Ryadinskaya, E. N. (2022). Analysis of factors affecting the mental state of people living in the territory of armed conflict. *Bulletin of Tver State University. Series: Pedagogy and Psychology*, 4(61), 14–28. (In Russ.).
- Menzies, R. E., Menzies, R. G. (2020). Death anxiety in the time of COVID-19: theoretical explanations and clinical implications. *The Cognitive Behaviour Therapist*, 13, e19. <http://doi.org/10.1017/S1754470X20000215>

- Missler, M., Stroebe, M., Geurtsen, L. et al. (2012). Exploring death anxiety among elderly people: a literature review and empirical investigations. *OMEGA — Journal of Death and Dying*, 64(4), 357–379. <http://doi.org/10.2190/om.64.4.e>
- Routledge, C., Ostafin, B., Juhl, J. et al. (2010). Adjusting to death: the effects of mortality salience and self-esteem on psychological wellbeing, growth motivation, and maladaptive behavior. *Journal of Personality and Social Psychology*, 99(6), 897–916. <http://doi.org/10.1037/a0021431>
- Rubinstein, S. L. (1997). *Human and the world*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
- Shumsky, V. B., Ukolova, V. B., Osin, E. N. et al. (2016). Measuring existential fulfillment: an original Russian version of test of existential motivations. *The Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 13(4), 763–788. (In Russ.).
- Yaakobi, E. (2015). Desire to work as a death anxiety buffer mechanism. *Experimental psychology*, 62(2), 110–122. <http://doi.org/10.1027/1618-3169/a000278>
- Yurevich, A. V. (2018). Psychological aspects of attitude towards death. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 1, 123–132. (In Russ.).
- Zhukova, N. Yu., Soldatova, E. L. (2018). Theoretical review of modern foreign studies of attitudes towards death. *Bulletin of South Ural State University. Series “Psychology”*, 11(3), 13–23. <http://doi.org/10.14529/psy180302> (In Russ.).

Об авторах:

Рядинская Евгения Николаевна, доктор психологических наук, доцент, заведующая кафедрой психологии, Донбасская аграрная академия (РФ, 86157, Донецкая Народная Республика, г. Макеевка, ул. Островского, 16), [ORCID](#), muchalola@mail.ru

Ковальчишина Наталья Ивановна, кандидат психологических наук, доцент, Филиал Российского государственного социального университета (Республика Беларусь, 220107, г. Минск, ул. Народная, 21), [ORCID](#), natkov4@mail.ru

Волобуев Вахтанг Вячеславович, кандидат медицинских наук, доцент кафедры психологии, член-корреспондент МАНПО, Донбасская аграрная академия (РФ, 86157, Донецкая Народная Республика, г. Макеевка, ул. Островского, 16), [ORCID](#), goodpsychologist@gmail.com

Поступила в редакцию 17.03.2023.

Поступила после рецензирования 11.04.2023.

Принята к публикации 12.04.2023.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

About the Authors:

Ryadinskaya Evgenia N., Dr. Sci. (Psychology), Associate Professor, Head of the Department of Psychology, Donbass Agrarian Academy (16, Ostrovsky St., Makeyevka, Donetsk People's Republic, 86157, RF), [ORCID](#), muchalola@mail.ru

Kovalchishina Natalia I., Cand. Sci. (Psychology), Associate Professor, Branch of the Russian State Social University (21, Narodnaya St., Minsk, 220107, Republic of Belarus), [ORCID](#), natkov4@mail.ru

Volobuev Vakhtang V., Cand. Sci. (Medicine), Associate Professor of the Department of Psychology, Corresponding Member of the International Academy of Sciences of Pedagogical Education, Donbass Agrarian Academy (16, Ostrovsky St., Makeyevka, Donetsk People's Republic, 86157, RF), [ORCID](#), goodpsychologist@gmail.com

Received 17.03.2023.

Revised 11.04.2023.

Accepted 12.04.2023.

Conflict of interest statement

The authors do not have any conflict of interest.

All authors have read and approved the final manuscript.